

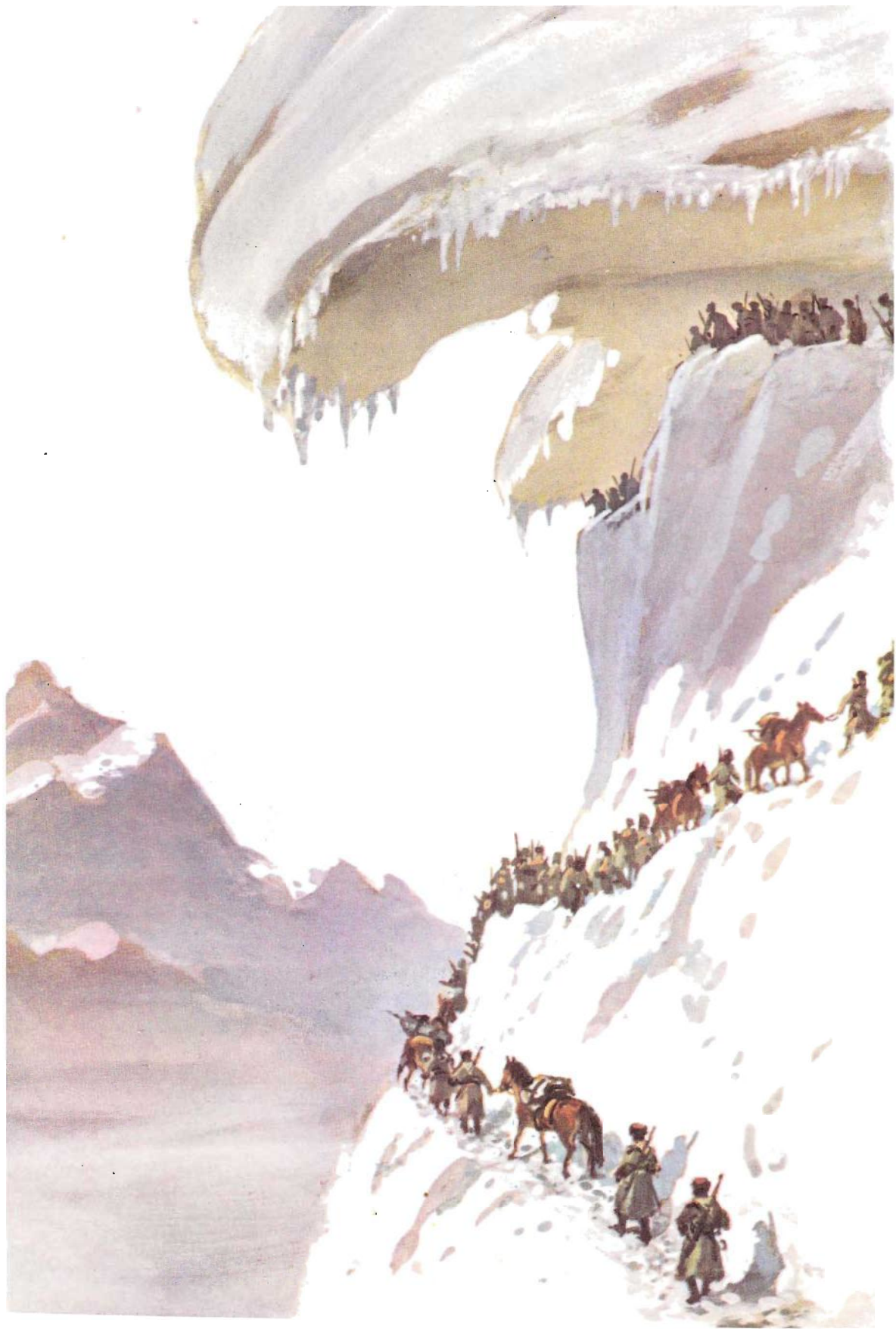
Л. УСПЕНСКИЙ

ПАВЛИК- ФАНФАРИСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Л. УСПЕНСКИЙ

ПАВЛИК- ФАНФАРИСТ

РАССКАЗ

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

1981

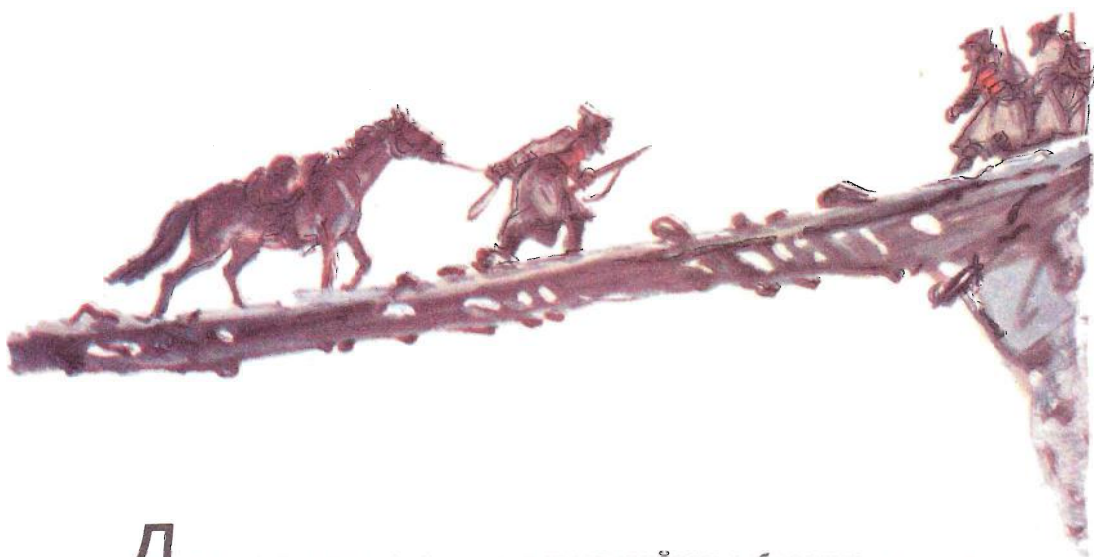
Лев Васильевич Успенский (1900-1978) известный советский писатель, участник гражданской войны и Великой Отечественной, был человеком огромных разносторонних знаний. Он автор многих художественных и языковедческих произведений.

Книги Успенского «Слово о словах», «Ты и твоё имя», «Беда с этим козликом», «На 101 острове», «Мифы Древней Греции», «Смелая разведка» — самые популярные произведения для детей.

Рассказ Льва Васильевича «Павлик-фанфарист» раскрывает перед юным читателем историю героического поступка приёмного сына небольшого красноармейского отряда времён гражданской войны, двенадцатилетнего мальчика-музыканта Павлика Круглова.

Пятое издание

Рисунки В. Шевченко

Двадцать лет назад, во время войны с белыми, по ущельям и горным тропам Кавказа пробирался маленький отряд красноармейцев.

Путь был опасным. Со всех сторон в лесах и скалистых дебрях прятались враги. Стояла глухая, холодная осень; повыше в горах уже выпал первый, ослепительно-белый и рыхлый снег. Дороги стали скользкими. В лесной чаще стало холодно, запахло зимой.

Красноармейцы отряда никогда раньше не бывали на Кавказе. Одни из них были родом из болотистой Белоруссии, другие выросли среди холодных карельских озёр, над третьими в детстве шумела ветвями могучая тайга Сибири, четвёртые пришли сюда от бескрайних степей Украины. И всем им дикими, чужими и непривычными казались на первых порах Кавказские горы.

Всё поражало их тут. Удивляли отвесные кручи скал, по которым лепилась извилистая тропинка, такая узкая, что по ней отряду можно было двигаться только гуськом. Удивляли огромные дуплистые деревья. Ударишь по такому прикладом винтовки — из дупла, фыркая, выскочит огромный злющий кот или с хрюканьем вылезет колючее чудище — дикобраз. Странными казались и пёстрые, красивые фазаны, и орлы, плавающие в высоком небе, и тучи, которые тут не стелются над головой, а ползут по долинам, глубоко под ногами. Всё это сбивало с толку, пугало, мешало идти...

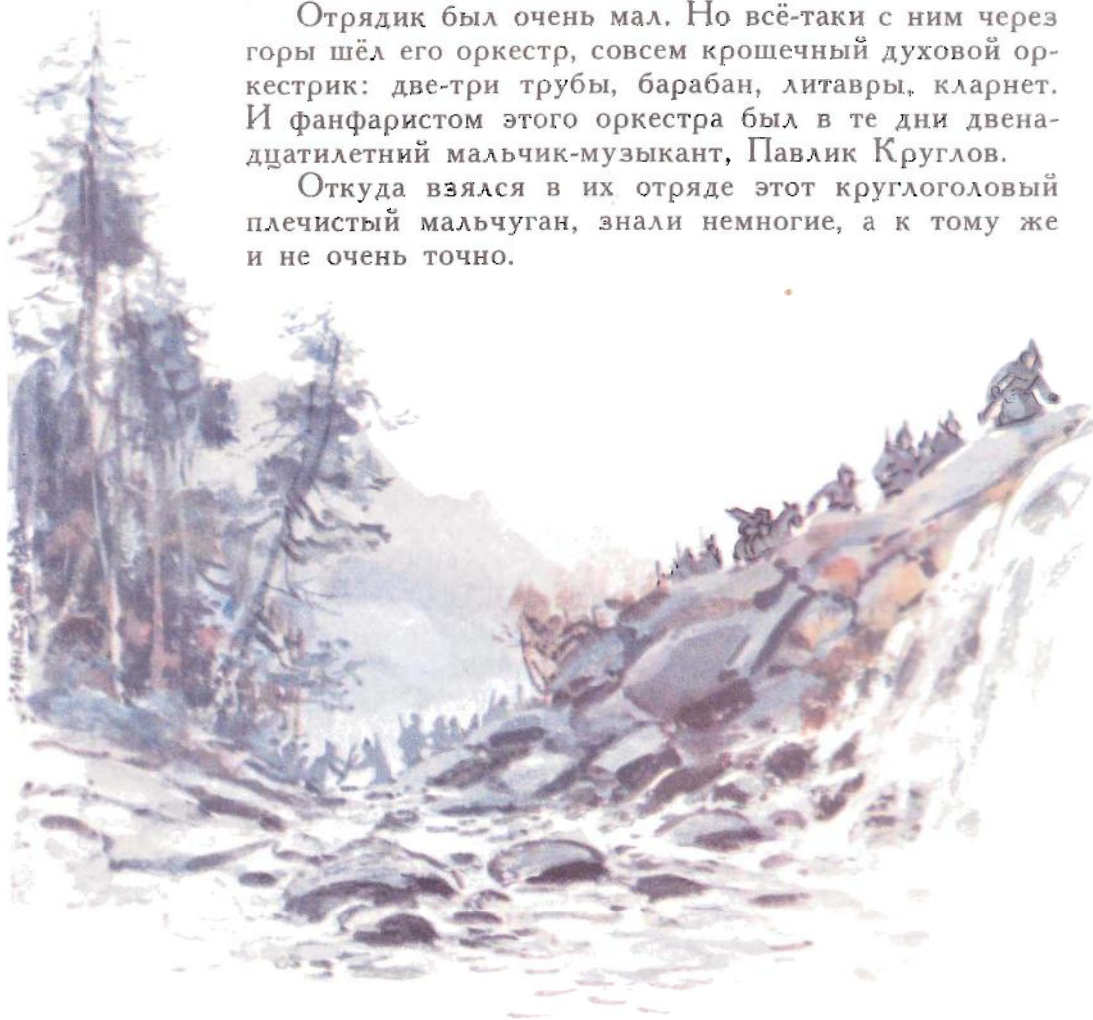
Но хуже всего было то, что никто не знал точной дороги. Командир по сто раз на дню доставал из-за обшлага шинели зелёную истрёпанную карту-десятивёрстку: наморщив брови, смотрел на неё, водил по ней пальцем... Но и он ведь впервые шёл этим путём. И ему многое было неясно.

Однако идти вперёд было надо: отряд получил приказ перевалить через горы и там, за их косматыми хребтами, присоединиться к другим частям Красной Армии. И вот отряд шёл.

Великой удачей было лишь то, что ещё в самом начале пути удалось найти проводника, высокого старика-осетина в рваном бешмете и таком же рваном башлыке. Этот худой, смуглолицый человек был охотником. Он знал горы, как тот ветер, что день и ночь кружится по их ущельям. Кроме того, он был бедняком. Когда красные пришли к нему, он выслушал их просьбу, оделся, закинул за плечо свою старинную винтовку и сказал только: «Айда! Идём!» Теперь он то ехал на одной из лошадей отряда, то шагал впереди всех по каменистой тропе. Он знал дорогу, этот старый горец-следопыт Коста Абаев, но облегчить её, сделать путь более коротким, конечно, не мог.

Отрядик был очень мал. Но всё-таки с ним через горы шёл его оркестр, совсем крошечный духовой оркестрик: две-три трубы, барабан, литавры, кларнет. И фанфаристом этого оркестра был в те дни двенадцатилетний мальчик-музыкант, Павлик Круглов.

Откуда взялся в их отряде этот круглоголовый плечистый мальчуган, знали немногие, а к тому же и не очень точно.

— Павлуша? А кто его знает... Позвольте-ка... Да... Он к нам где-то за Томском пристал. Ну да, в Сибири! Взяли какую-то станцию, а он там голодный, чуть живой... Но он, брат, у нас молодец: на любом инструменте что хочешь сыграет...

Это было не совсем верно. Играл Павлик Круглов так себе, ни очень хорошо, ни очень плохо, и то только на одной своей фанfare. Просто все бойцы его очень любили, да и удивительно ли? Ведь почти каждый из них, смотря на его светлую голову, на большие внимательные глаза, на вздёрнутый нос и на веснушки у переносицы, вспоминал другого такого мальчишку — сына, братишку, племяша, которые остались там, далеко-далеко на родине.

Никто не знал в точности, где были родители Павлика. Считали, что их, по-видимому, убили белые, потому что мальчик начал горько супиться, отворачиваться и тяжело дышать, как только заговаривали о них. Никто не знал, что пережил он до встречи с отрядом. Да всё это мало кого и поражало: в те дни такие вещи происходили сплошь и рядом. Они не удивляли никого.

Так вот теперь по долинам и горным кручам, утром и вечером, среди дня и в холодной ночи двигался этот отряд, поднимаясь всё выше в горы. Хлюпая по размокшей тропинке тяжёлыми башмаками, брели красноармейцы. Цокали копыта трёх лошадей — командирской, адъютантской, комиссаровой. На двух большеухих задумчивых ослах везли пулемёты. И впереди отряда, высокий, худой,

горбоносый, неторопливо, как горный орёл, поворачивая из стороны в сторону покрытую лохматой папашой голову, важно шествовал старик Абаев.

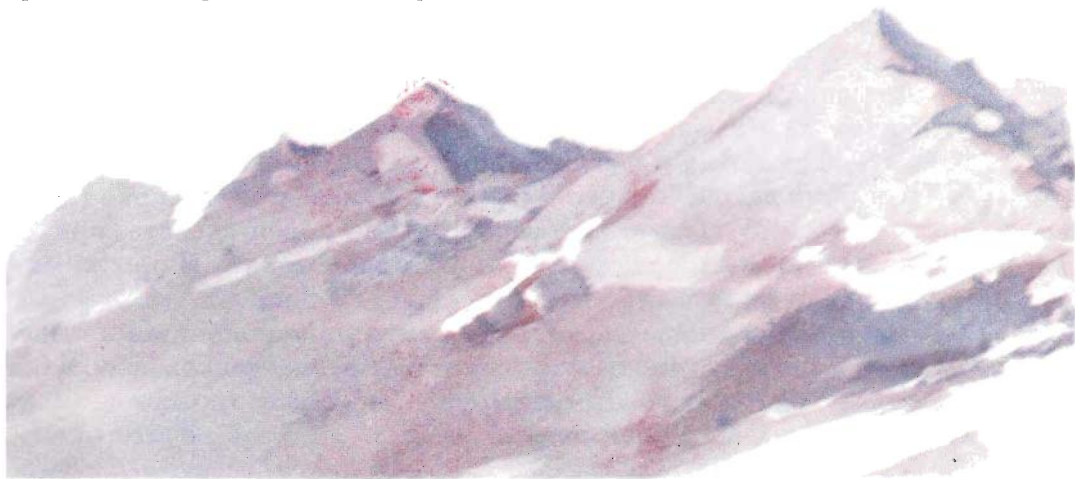
Чёрные глаза его зорко смотрели из-под серых бровей. Большой красивый кинжал в выложенных серебром ножнах висел у пояса. И на ходу он то и дело легонько опирался рукой о плечо мальчугана в долгополой серой шинели, несшего под мышкой блестящую серебряную фанфару.

Два дня шёл отряд, поднимаясь с каждым часом всё выше да выше, а на третьи сутки кругом забелел сплошной снег. Огромными толщами лежал он на могучих боках гор, тяжёлыми шапками покрывал головы утёсов. То и дело приходилось лопатами разрывать высокие сугробы на дороге. А порою выпадали такие места, где снежные глыбы нависали над тропинкой сверху, как белый карниз, как крыша. И чем больше становилось таких мест, тем озабоченней хмурился лоб старого Косты Абаева, тем чаще он качал повязанной башлыком головой.

Наконец пришли в такое ущелье, где снежная крыша над дорогой образовала целый длинный, чуть не в полкилометра, навес. Казалось, отряду придётся теперь нырнуть в бесконечный, холодный, голубовато-белый туннель. Справа — скала, наверху — снег, слева — бездна.

Перед этим местом Коста остановился. Он подозвал к себе командира.

— Смотри! — сказал он. — Видишь? Пройти можно. Почему не пройти?! Но ходить надо, как ходит барс. Чтобы нога не топнула. Чтоб человек ни слова не сказал, не кашлянул. Крикни, стукни, в ладоши ударь — конец. Снег побежит вниз, загрохочет. Полетят скалы. Хе! Будь тут не твой отряд, будь большой полк, два полка, три — все умрут. Всех сожрёт снежный обвал, лавина.

Командир отдал строгий приказ: «Ти-хо!» Красноармейцы тревожно замолчали. Морды осликов обвязали какими-то тряпками, чтобы они не могли закричать ненароком. Обмотали чем-то и железные части винтовок, пулемётов: боялись самого слабого стука. Один за другим стали входить красноармейцы в страшный туннель; без единого слова, в полной тишине, точно весь отряд сразу онемел, точно это были не люди, а призраки.

Но ничего ужасного не случилось. Лавина не обрушилась. Когда же страшное место прошли, Павлик Круглов, фанфарист, перевёл дух.

— Дедушка, — спросил он у старика-горца, — а если бы я там... вдруг... взял да и... заиграл? — И он поднял свою фанфару.

Коста Абаев поглядел сверху вниз на мальчика.

— Когда не захочешь жить, джигит, — сказал он, ласково глядя его по голове сверх шлема, — когда захочешь конец сделать, приходи сюда, заиграй на своей трубе. Не успеешь сыграть! Горы зимой спят. Они, когда спят, не любят шума...

А отряд уже шёл дальше. Красноармейцы успокоились, развеселились. Самые трудные места были пройдены; теперь скоро отдых!.. Не знали они, что их ожидает.

А ожидала их страшная вещь.

К вечеру того же дня маленький отряд попал в устроенную белыми засаду. В горном лесу красных бойцов ожидали за стволами и огромными камнями враги. Произошёл короткий, но жестокий бой. Выстрелы загрели со всех сторон. В синеватых сумерках кругом побежали горячие быстрые огни. Заговорили пулемёты. Загремело эхо в горах...

Красноармейцы отбивались смело. Но их было слишком мало. Их утомил тяжёлый путь. Многие были врасплох убиты, ещё больше ранено. Очень многих белые закололи штыками, когда самый бой уже кончился: они не хотели никого брать в плен. И кто его знает, почему им вздумалось пощадить одного только Павлика-фанфариста.

Офицер, который командовал белыми, невысокий грузный человек, мельком посмотрел на мальчика, когда того, вместе с его серебряной трубой, подвели к нему.

— А, да чёрт с ним! — коротко сказал он. — Остался цел — пусть идёт пока с нами. Там видно будет!

Никто даже не спросил у Павлика, хочет ли он с ними идти? Никому не пришло в голову разведать: а что может думать сейчас этот белобрысый маленький музыкантик? Его просто отвели куда-то в сторону, к тому месту, где теперь среди леса уже горел жаркий костёр, толкнули к куче наброшенного на снегу сена, велели спать и забыли.

Он покорно лёг, но во всю ночь не сомкнул глаз. Вокруг двигались чужие солдаты, говорили громкими голосами, пели; точно ничего не произошло, спорили о чём-то и смеялись. Они смеялись! А ведь где-то тут же, совсем недалеко, в холодном снегу лежали теперь, навсегда закрыв глаза, и старый Коста Абаев, и командир красного отряда, и красноармейцы, и дядя Петя Басов, барабанщик. Лежали те, кого любил Павлик.

Нет, Павлик не спал. Как мог он спать? Наверху, в ветках деревьев шумел горный ветер. Красный свет костров поыхал вокруг по стволам. Около самого огня, недалеко от Павлика, бросили измятый дяди Петин барабан, и теперь, высыхая в тепле, этот барабан странно охал, точно горько всхлипывал в отчаянии и тоске. Всхлипывал, уткнувшись носом в колючее мокрое сено, и Павлик. Всхлипывал и думал.

Думал такое, что, если бы кто-нибудь из белых мог узнать, о чём думает этот мальчишка, его сейчас же застрелили бы тут же, не сходя с места.

На рассвете белый полк зашевелился. Люди поднялись, построились, двинулись вперед. Они пошли наверх, в гору, той самой тропой, по которой еще вчера спустился сверху Павликов отряд.

Полк медленно поднимался всё выше, и к полудню он добрался как раз до того места, где вчера был страшный снежный туннель. Здесь всё осталось по-старому, даже следы маленького отряда не успело ещё занести снегом. Лежали на дороге куски тряпок, которыми обматывали морды осликов, валялись раздавленные спичечные коробки, бумажки.

Сердце Павлика страшно сжалось от горя и гнева. Холодными пальцами он крепко обхватил гладкий металл своей фанфары...

* * *

Командир белых был опытным воякой. Тяжело сидя на седле, он проехал вперёд и осмотрел опасное место. Дело показалось ему серьёзным: снег на горах лежал рыхло, слабо. Самый слабый, но неожиданный звук мог вызвать мгновенный обвал. А его полк растянулся по узкой тропе тремя извивами, как будто тремя ступеньками. Покатись лавина — она увлечёт за собой в пропасть всех, до последнего солдата!

Командир покачал головой, пожал плечами, потом, наклонившись к уху адъютанта, сказал что-то. И сейчас же по рядам передал строгий приказ: соблюдать полнейшую тишину! От солдата к солдату этот приказ побежал по войску, добежал он и до Павлика, тихо сидевшего на камне возле выхода из снежной пещеры.

— Эй ты, малец! — громким шёпотом сказал ему ближайший солдат. — Слышал? Чихнёшь — на месте убью! Слышишь?

Павлик не обернулся к тому, кто это говорил, не поднял глаз. — Слышу! — тихонько сказал он.

Наконец белый полк начал проход через опасное место. Потянулись под снежной крышей лошади (их вели в поводу), пошли солдаты. Офицеры беспокойно поглядывали то навверх, то вниз.

Командир, не слезая с коня, ссутулившись, смотрел на дорогу, и уши его под мерлушковой папахой краснели всё больше и больше.

Вот движение охватило первую роту, вторую, третью.

Вот уже зашевелилась длинная тёмная змея людей совсем внизу, на двойном извине дороги. Всё шло хорошо. И вдруг...

Вдруг резкий, звонкий серебряный звук прорезал тишину. Командир выпрямился на седле, точно его ударило молнией. «Проклятый мальчишка!» — хотел крикнуть он.

На один только миг перед ним мелькнуло страшное, бесконечно страшное для него зрелище.

Маленький пленный фанфарист там, у края снежного карниза, внезапно вскочил с камня, на котором сидел. Что он — сошёл с ума? Мальчик выхватил свою трубу — она ярко блеснула на солнце, — закинул её высоко вверх, прижал к губам мундштук. Фанфара издала пронзительный тоскливый вопль. Ещё, ещё!.. Все, как один, ахнули.

В тот же миг кто-то из солдат в диком испуге, не понимая, что делает, вскинул винтовку. Громко отдавшись множеством отголосков, грянул выстрел. Пуля пробила грудь Павлика Круглова. Он упал лицом в сугроб. Но звук трубы и выстрел сделали уже своё дело. Огромные толщи рыхлого снега на склоне горы дрогнули. В первую секунду только несколько лёгких комков покатились вниз. Потом их стало больше. Ещё больше. Ещё... На миг над дорогой нависла завеса, точно хлынула водопадом сухая снежная река.

Потом — глаз не успел мигнуть, как всё это уже случилось, — раздался глухой вздох. И тотчас же миллионы тонн снега, сорвавшись с места, с грохотом, свистом, воем ринулись через дорогу вниз. Крошечные фигурки людей кинулись было врассыпную. Напрасно! Неимоверная сила лавины смела их со своего пути, увлекла

за собой. Люди, лошади, вьюки — всё это, точно горсть щепочек, понеслось в снежном дыму вниз. Горное эхо заговорило тяжёлыми далёкими раскатами. И всё смолкло.

Да. Всё смолкло. Настала глубокая тишина.

Теперь в этом месте не было уже нависшей над дорогой снежной толщи. Не было и самой дороги. Не было белого полка. Теперь остался только ровный склон горы, покрытый чистым снегом, да туманная глубь пропасти, над которой, точно столб дыма, долго ещё стояло могучее белое облако, — над тем местом, где в одной могиле навеки легли и полторы тысячи белогвардейцев, и их победитель Павлик Круглов, фанфарист.

Один только человек остался в живых из всего белого отряда, один-единственный солдат, молодой парень Казимир Ясинский, из-под города Сочи. С великим трудом, весь обмороженный спустился он через четыре дня с гор в ближайшую деревню. Он долго лежал в лазарете, чуть не умер, а когда поправился, рассказал о том, что произошло в горах, доктору. А этот доктор рассказал своему сыну, а сын — мне.

Вот откуда я знаю о том, как славно погиб двадцать лет тому назад маленький фанфарист красного отряда, белоголовый, сероглазый двенадцатилетний парнишка Павлик Круглов.

1940

10 коп.

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

Дорогие первоклассники!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «Читаем сами».

В 1981 году выходят книги:

КАК СТАРИК ДОМОВНИЧАЛ

Сказки

Погорельский А.

ЧЁРНАЯ КУРИЦА, ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ ЖИТЕЛИ

Сказка

УТРО

Стихи

Белов В.

ПРО МАЛЬКУ

Рассказы

Белозёров Т.

КАРАСИК

Стихи

Высотская О.

НАД РЕКОЙ НАД ОКОМ

Стихи

Емельянов Б.

РАССКАЗЫ О МАМЕ

Пермяк Е.

ТОРОПЛИВЫЙ НОЖИК

Рассказы

Обращайтесь за этими книгами в свои школьные и районные библиотеки.

Успенский Л. В.

У 77 Павлик-фанфарист: Рассказ.—5-е изд.—Рис.
В. Шевченко.—Л.: Дет. лит., 1981.—16 с., ил.—
(Читаем сами.)

10 коп.

Рассказ о юном герое гражданской войны.

У $\frac{70802-146}{M101(03)-81}$ Без объявл.

Р 2

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Успенский Лев Васильевич. ПАВЛИК-ФАНФАРИСТ

Ответственный редактор Н. Л. Страшнова. Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова. Корректор Н. Н. Жукова.

ИБ 6115
Сдано в набор 28.11.80. Подписано к печати 05.05.81. Формат 70X100/16. Бумага офсетная № 1. Шрифт академический.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,3. Усл. кр.-отт. 6,18. Уч.-изд. л. 1,51. Тираж 500 000 экз. Заказ № 128. Цена 10 коп. Ленинград-
ское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература» Ленинград, 191187, наб. Кутузова,
6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.